

Алексей Васильев

Сентиментальное путешествие Ю. У. Немцевича по землям давней Речи Посполитой:

À LA RECHERCHE DU PAYS PERDU¹

Alexei Vasiliev

The Sentimental Travels of Julian Niemcewicz Around the Lands
of the Former Polish-Lithuanian Commonwealth: *À la recherche du pays perdu*

Алексей Васильев (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук, школа филологических наук, профессор; кандидат исторических наук) avasilev@hse.ru.

Ключевые слова: Ю. У. Немцевич, тревелог, культурная память, Речь Посполитая, разделы Польши, мемориальный ландшафт, места памяти, меланхолия, руины, следы, национальная идентичность.

УДК: 9.904

Статья посвящена анализу тревелога Ю. У. Немцевича (1757—1841), польского литератора, путешественника и активного политического деятеля последнего периода существования I Речи Посполитой и первых десятилетий борьбы за восстановление государства, «Исторические путешествия по польским землям, совершенные между 1811 и 1828 годами». Используя концепцию «пространства-репрезентации», созданную М. Хальбваксом в исследованиях евангельской топографии Палестины, а также концепт «следа-раны» польского философа Б. Скарги, сочинение Ю. У. Немцевича рассмотрено в статье как выражение посттравматической практики символической реконструкции Речи Посполитой, недавно исчезнувшей с политической карты Европы в результате разделов, в форме канона «мест памяти», с которыми должна была ассоциироваться в дальнейшем польская национальная идентичность.

Alexei Vasiliev (PhD; Professor, School of Philology, Faculty of the Humanities, National Research University Higher School of Economics) avasilev@hse.ru.

Key words: Julian Niemcewicz, travelogue, cultural memory, Polish-Lithuanian Commonwealth, partitions of Poland, memorial landscape, space of memory, melancholy, ruins, traces, national identity

UDC: 9.904

This article features an analysis of the travelogues of the Polish man of letters, traveler, and active political figure of the last period of the existence of First Polish-Lithuanian Commonwealth and the first decades for the establishment of the government, Julian Niemcewicz's (1757—1841) *Historical Travels Through the Polish Lands, Completed Between 1811 and 1828*. Using the concept of space and representation created by Maurice Halbwachs in his studies of the evangelical topography of Palestine, as well of the concept of traces of wounds by Polish philosopher Barbara Skarga, Niemcewicz's composition is examined in the article as an expression of a post-traumatic practice of a symbolic reconstruction of the Polish-Lithuanian Commonwealth, which had recently disappeared from the political map of Europe as a result of partitioning, in the form of a canon of "spaces of memory," with which the national Polish identity should be associated with in the future.

---

1 Статья подготовлена в ходе исследования (проект № 19-01-027, «Польская историография эпохи разделов: культурная память и формирование национальной идентичности») в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019—2020 годах и в рамках государственной поддержки ведущих университетов РФ «5-100». За помощь в сборе материалов для статьи автор благодарит профессора Университета Казимира Великого в Быдгощи Лидию Вишневскую.

Вспомнил Иерусалим, во дни бедствия своего и страданий своих, о всех драгоценностях своих, какие были у него в прежние дни, тогда как народ его пал от руки врага, и никто не помогает ему; неприятели смотрят на него и смеются над его субботами.

Плач Иеремии. 1.7

Но мысль, любящая углубляться в прошлое, отдаляла современные виды и жадно переносилась в прошедшие времена.

Ю. У. Немцевич

Польское пространство: борьба за «власть легитимной номинации»

В 1795 году Речь Посполитая прекратила свое существование как государство и более чем на сто лет исчезла с политической карты мира. Государства-участники разделов Речи Посполитой на протяжении этого времени прилагали немалые усилия для интеграции польских земель и польского населения в состав Пруссии (Германской империи), Габсбургской монархии (Австро-Венгрии) и Российской империи. Эти усилия носили не только военно-полицейский репрессивный характер. Значительную их часть составляли мероприятия в области символической политики, целями которых были достижение «культурной гегемонии», создание и утверждение в массовом (в том числе и польском) сознании картины мира, в рамках которой вхождение польских земель и их населения в состав этих государств выглядело бы естественно, исторически закономерно и благотворно. Важным элементом этой символической политики была и «географическая политика», прежде всего изменение топонимики, присвоение польским территориям новых названий административных единиц государств-захватчиков (Великое герцогство Познаньское, Привислинский край, Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцима и Затора). Эти номинации должны были создать и укрепить в массовом восприятии пространственный образ государства-участников разделов, органичной частью которого стали бы аннексированные польские территории.

Этой политике польское национальное движение противопоставляло свои стратегии, которые призваны были сохранить (а в значительной степени и заново сконструировать) образ исторической Речи Посполитой, ее историческую традицию, культурную память, сделав все это культурное достояние общенациональным, а не сословно-шляхетским, каким оно и было изначально. Важным элементом этих контрстратегий также была символическая «географическая политика», призванная сохранить территориальный образ исторической Речи Посполитой в польском национальном сознании. Карта Речи Посполитой 1772 года должна была в результате «проступить» сквозь нанесенные поверх нее границы и обозначения территорий государств, поделивших Речь Посполитую во второй половине XVIII века. Как подчеркивал один из радикальных деятелей Ноябрьского восстания 1830 года Маурыций Мохнацкий, Речь Посполитую не нужно придумывать и изобретать заново, ее нужно просто восстановить в том виде, в каком она существовала на момент начала разделов. Образ исторической Речи Посполитой, отмечал он, — это тот бастион, который захватчикам не удалось взять.

Важную роль в этом процессе сыграла польская география (в том числе историческая география). «Можно утверждать, — пишет историк Антоний Яцковский, — что многовековая активность поколений географов на разных направлениях деятельности проложила дорогу для формирования как географического, так и общественного национального сознания, основанного на идее независимости. В значительной мере именно благодаря географии поляки оказались ментально подготовлены к деятельности в том новом, уже освобожденном, географическом пространстве, которым была межвоенная Польша» [Historia geografii polskiej 2008: 67—68]. Особую роль среди этих социально и национально значимых видов активности, связанных с географией, играли травелоги, описания путешествий по польским землям. Именно эти тексты, более чем научные труды, оказывали влияние на массовую читающую аудиторию, «самым существенным образом влияли... на развитие географического познания собственных земель... доводили до общественного сознания существование польского географического пространства» [Ibid.: 64].

Одному из таких травелогов, «Историческим путешествиям по польским землям, совершенным между 1811 и 1828 годами» Юлиана Урсына Немцевича (1757—1841), и посвящена эта статья. Изданное в Париже в 1858 году, это сочинение стало первым систематическим трудом, описывающим все исторические территории давней Речи Посполитой на основании реальных поездок по ним, совершенных автором. Немцевич объезжал эти земли последовательно. Начал он с Кракова и его окрестностей, затем была Королевская (Западная) Пруссия, а на обратном пути — Варшава, в 1816 году Немцевич посетил Волынь и Брестское воеводство, в 1817 — Гданьск и столицу Восточной Пруссии Кенигсберг (польский Крулевец), в 1818 — Подолию и Украину вплоть до Черного моря, в 1819 — Литву. 1820 год был ознаменован посещением Червонной Руси, в 1821 году он осмотрел Силезию и Великопольское воеводство и, наконец, в 1828 — Подляшье. Последнее путешествие носило уже не столько «исторический» характер, сколько было связано с семейными делами. Сочинение Немцевича соединяет травелог с обширными экскурсами в прошлое посещаемых мест, рассуждениями об их современных социальных и экономических проблемах, а также содержит и значительные автобиографические элементы. Таким образом, автору удалось создать обширное полотно, «ментальную карту» Речи Посполитой, насыщенную местами личной автобиографической памяти автора и местами, которым было суждено стать частью памяти национальной.

Путешественник и его травелог: память автобиографическая и национальная

Немцевич прожил долгую (в том числе долгую политическую) жизнь. Он принял активное участие в ключевых событиях последнего периода существования I Речи Посполитой, был близок к кругу Адама Чарторыйского, являлся сторонником политических реформ, принимал участие в Великом (Четырехлетнем) сейме (1788—1792), подготовившем Конституцию 3 мая 1791 года. После победы противников Конституции, Тарговицкой конфедерации, Немцевич эмигрировал, затем принимал участие в восстании Тадеуша Костюшко, сидел в Петропавловской крепости и был освобожден вместе с Костюшко Павлом I. Путешествовал по Соединенным Штатам (им был написан «Дневник

путешествия по Америке»; в частности, он первым среди поляков описал Ниагарский водопад). Вернувшись в Европу, Немцевич принимал участие в политической жизни Великого герцогства Варшавского и Царства (Королевства) Польского, участвовал в Ноябрьском восстании 1830 года и после его поражения выехал в эмиграцию в Париж, где был близок к консервативному крылу эмиграции, организовавшемуся вокруг Адама Чарторыйского. С одной стороны, он принимал активное участие в политической жизни, поэтому записки Немцевича носили в значительной степени автобиографический характер; он посещал места, связанные с ключевыми событиями истории страны, в которых участвовал сам автор. С другой же стороны, он объезжал места, которые не имели связи с событиями его жизни, но были принципиально важны, с точки зрения Немцевича, для истории страны. Тем самым он как бы создавал очертания национального мемориального ландшафта и в результате написал своего рода путеводитель по местам польской национальной памяти. В каждом из этих мест отражались ключевые элементы польской идентичности: территория и границы страны; язык как национальная ценность и маркер принадлежности к национальной общности; «идея» польской истории, выраженная в ключевых исторических персонажах и событиях, связанных с истоками, происхождением страны, национальными триумфами и травмами, катастрофой разделов.

Травматическая память и мемориальный ландшафт: немного теории

Историческая Речь Посполитая постепенно уходила из области автобиографической памяти. От начала разделов в 1772 году до первого путешествия Немцевича прошло почти сорок лет — срок, после которого активные участники событий постепенно уходят из активной жизни. В это время, в соответствии с теорией культурной памяти Я. Ассмана², особое значение приобретает создание культурных механизмов коммеморации для новых поколений. Догматы польской идентичности — территория страны, ключевые исторические события, языковая общность, — которым суждено было сыграть такую важную роль в последующее столетие, складывались в это время и должны были стать значимыми основаниями идентичности для тех, кто, в отличие от автора травелога, уже никогда не жил в Речи Посполитой, для кого она должна была стать культурно сконструированным «образом-воспоминанием». Помня о хорошо обоснованном Б. Андерсеном параллелизме национальной и религиозной идей, можно сравнить перечисленные выше элементы национальной памяти с догматами веры. Тогда продуктивными для нас могут оказаться замечания, высказанные М. Хальбваксом в его анализе памяти религиозных сообществ и исследованиях евангельской топографии Палестины. Он отмечал, что религиозная память абстрактна, поскольку состоит из догм, и поэтому ей необходимо дополнение в виде образов, которые должны служить коррелятами абстракций. «Истина, — для того, чтобы быть зафиксированной в памяти группы, должна предстать в конкретной форме события, лица или места; чисто

2 Вопрос об анализе травелога Ю.У. Немцевича в категориях теории культурной памяти Я. Ассмана был впервые, насколько можно судить, поставлен в статье: [Chachaj 2017].

абстрактная истина на самом деле не является воспоминанием» [Halbwachs 1970: 124]. Пространство верований и пространство мест должны адаптироваться друг к другу. Жерар Намер, известный исследователь творчества Хальбвакса, отмечает:

Можно было бы сказать, что существует воздействие материального пространства на символическое и символического пространства — на материальное [Namer 2000: 157].

То новое, что Хальбвакс в «Легендарной топографии» добавляет в теорию пространства как социальной рамки памяти... заключается в идее «пространства-репрезентации», которое позволяет зафиксировать последовательность образов для обеспечения непрерывного существования верования [Ibid.: 156].

Именно такую последовательность образов памяти, привязанных к конкретным точкам пространства исторической Речи Посполитой и утверждающих определенные элементы польской национальной идентичности, представил Немцевич в своем травелог³.

Все эти путешествия являются своего рода практиками чтения палимпсеста, внимательного и окрашенного болью утраты всматривания в руины Речи Посполитой. Сам автор называет их «историческими путешествиями» или «историческими осмотрами». При посещении тех или иных мест Немцевич, как правило, приводит обширные описания их прошлого величия, мощи, значимости происходивших там событий, почерпнутые из исторических источников и исторических сочинений. Затем обычно следует описание печального современного положения вещей. «Какая печальная перемена!», — это восклицание можно считать системообразующим для нарратива практически о каждом пункте, через который пролегает путь Немцевича. Так, в ходе своего путешествия по Литве в 1819 году Немцевич посетил Ковно и отметил, что именно этот город, как никакой другой, показывает потрясающее противоречие между современным состоянием наших городов и тем, в котором они пребывали в «счастливые времена» (с. 366)⁴. Немцевич пишет, что Ковно он застал в том состоянии, в котором застают останки костей и оружия могучего некогда рыцаря, открыв крышку его гроба (с. 369).

Весь травелог можно описать как сентиментальную рефлексию над руинами — следами прошлого. Поэтому при его анализе вполне уместно обратиться к анализу «следа-раны», представленному в работе Барбары Скарги «След и присутствие». Рана приносит боль, «эта боль продолжает пребывать с нами, она продолжается, она уничтожает бег времени. Она переносит в прошлое, к событию, которое было когда-то, иногда к очень далекому, но к такому, однако, которое живет в нашей памяти так, как будто бы случилось сегодня» [Skarga 2004: 87]. Болезненная утрата составляет экзистенциальный горизонт травелога Немцевича. Утрата означает то, что в мое пространство и время вторглась какая-то внешняя враждебная и страшная сила, которая лишила меня объекта моей любви, такого важного объекта, который организует для

-
- 3 Память, правда, может не только объединять. Так, во время путешествия по Галиции Немцевич отмечает, что народы «Руси» и Польши уже слились так, что только в памяти осталось то, что эти земли когда-то не были польскими [Niemcewicz 1858: 439].
  - 4 Здесь и далее ссылки на основной источник [Niemcewicz 1858] будут даны в круглых скобках с указанием номеров страниц.

меня и время, и пространство. После его утраты остается незаполняемая болезненная пустота, — отмечает Б. Скарга [Ibid.: 89, 90]. Из описываемых польским философом видов утраты к нашему случаю наиболее близко изгнание. Изгнание, утрата дома, своего места в мире и права на его выбор является болезненным покушением на самоидентичность и экзистенцию; «это насилие, совершенное над моим бытием и возможностью выстраивать самого себя. Это обреченность на то, чтобы затеряться в том, что является для меня чужим и чего я не в состоянии понять» [Ibid.: 94]. Изгнание рождает тоску и меланхолию. Эмоциональный лейтмотив сочинения Немцевича хорошо описывается следующими словами из «Следа и присутствия»: «Тоска — это возвращение, это стремление воскресить прошлое так, как будто бы оно могло возникнуть снова. <...> Тоска, меланхолия, иллюзорная надежда насыщают своей горечью следы изгнания» [Ibid.: 94—95]. Заполнить пустоту, образовавшуюся после утраты Речи Посполитой, местами ее памяти, вглядываясь в ее следы и созерцая руины, стремится Немцевич, путешествуя и описывая свои пути в травелог. Он перемещается от места к месту и воскрешает в своем сознании воспоминания польского прошлого, то есть совершает с национальной памятью то, что классические мнемонические техники Античности рекомендовали делать оратору для запоминания и легкого произнесения речи. Немцевич занимается «искусством памяти», хотя и обращается иногда к идее благотворности забвения как для индивидуальной, так и для коллективной идентичности⁵.

Утрата и ее следы

«Места памяти» сначала нужно рассмотреть, поскольку «здесь мало увидеть, здесь нужно всмотреться». Поэтому обратимся прежде всего к теме руин и следов в сочинении Немцевича. Эта тема возникает сразу же после того, как автор покидает Варшаву. Первым упоминаемым местом в описании путешествия становится Рашин, место знаменитого сражения 19 апреля 1809 года польско-саксонской армии под командованием Юзефа Понятовского с примерно вдвое превосходящими их по численности австрийскими войсками. Битва была частью Наполеоновских войн, польские силы долгое время успешно сдерживали натиск противника, прокладывая себе путь к Варшаве. Поэтому Немцевич называет ее «польскими Фермопилами». Размышления автора о памяти прошлого вызывают при этом как раз не следы, а их отсутствие. Из задумчивости его выводят звуки веселого танца деревенских девушек, которые пляшут французскую кадрили на поле, усеянном костями павших. Собственно, единственным следом события является именно эта кадрили, которая осталась живым свидетельством присутствия здесь французов-союзников. Это вызывает

5 В монастыре в Ружанах он, рассуждая о том, кому и при каких обстоятельствах стоило бы уйти в монастырь, говорит, что это мог бы быть человек, испытавший в жизни много разочарований и, в частности, тот, «кто видел преданную, окровавленную, уничтоженную, разорванную на части свою родину, кто испытал то, как мало в Польше может быть основано на справедливости и порядочности, то есть на том, что составляет счастье народов», тому монастырь может дать последнее для человека благо — забвение (с. 395). Повествуя о Радзивиллах, автор воздерживается от описания магнатских своеволий и говорит, что соответствующее воспитание приводило к таким поступкам, о которых «для нашей славы лучше промолчать» (с. 345).

у автора размышления о молодости, которая «быстро забывает прошлое, не смотрит в будущее и любит только настоящее, наслаждается мгновением» (с. 2). Следующая мысль о следах прошлого (уже куда более далекого) приходит к путешественнику в деревенской карчме, где крестьяне после трудового дня пели песню, которую «наверное пели еще во времена мазовецких князей» (Ibid.). Еще одно поле битвы Наполеоновских войн Немцевич посещает в ходе своей поездки по Пруссии. Это поле сражения под Прейсиш-Эйлау 1807 года. Здесь нет могил, которые могли бы передать память о павших потомкам, а «по костям погибших ходит уже плуг» (с. 282).

При посещении старейшего Свентокшиского монастыря Немцевич также ищет следы древнего польского прошлого в постройках, которые в своей истории переживали разнообразные бедствия и реконструкции. На сохранившемся готическом первом этаже собора ему удается разглядеть в сводах польских орлов, однако в результате ему приходится говорить скорее об отсутствии следов, бросающейся в глаза вдумчивого наблюдателя новизне всего, что его окружает, контрастирующей с древностью места: «...все памятники этого места находятся только в истории и в преданиях; почти все, что попадает на глаза свежее, это лишает смотрящего удовольствия вступить в глубь прошедших времен вместе с сохранившимися и покрытыми патиной веков стенами» (с. 13).

Аналогичное сожаление вызывает у Немцевича и вид Вильна. После пожара и многочисленных поражений и разрушений тут уже никто не будет искать памятники старины, — отмечает автор. «Даже в храмах не сохранилось тут той поволоки темных веков, которая с грустной сладостью погружает нас в прошлое и свидетельствует о том, что мы не являемся народом (lud), возникшим только вчера» (с. 377). Собор Львова, построенный после пожара 1526 года, слишком новый, «ничто в нем не обращает мысль в прошлое» (с. 441). Не находит автор «темного благородного налета древности» и на стенах Познани. «Все это, может быть, и красиво, но уже не наше» (с. 507), — заключает он.

Отсюда естественно возникает еще один лейтмотив сочинения Немцевича — сохранение памятников. Описывая Радом, он замечает, что городские укрепления начали разбирать австрийцы, а закончили поляки. Можно было бы, отмечает он, сохранить хотя бы одну проездную башню из уважения к памяти Казимира Великого, с именем которого связан город: «Действительно, мы слишком мало уважаем наше прошлое, наших добрых королей и славных своими деяниями соотечественников» (с. 420). Тому он приводит много примеров, среди которых и пренебрежение сохранением могилы гетмана Жолкевского, и использование в 1744 году надгробия Болеслава Храброго для строительства моста через приток Варты⁶, исчезновение гробниц Мешко и Болеслава, которые существовали еще сорок лет назад. С позиций современного исследователя, все это, конечно, позволяет оценить скорее не равнодушие к памятникам, а смену «режима историчности» в эти десятилетия.

Наличие памятников старины обеспечит, по мысли Немцевича, польскому народу статус «исторического». Польша, — отмечает Немцевич, — скоро вся станет совершенно новой. «Но хорошо все же было бы помнить, что мы не народ (lud), существующий со вчерашнего дня, что не годами, а веками исчис-

6 Мост снесло течением, и теперь, говорит Немцевич, камень этот следовало бы искать на дне. Так же, как и каменных языческих идолов нужно искать в заливе под Гнезно, где было языческое капище (с. 506).

ляется наше существование» (с. 506). Немцевичу трудно представить себе позитивную национальную идентичность, основанную на чем-то ином, чем память о славном прошлом. Он говорит: «Или мы уже совсем не хотим иметь памятников прошлого, или мы уже всю свою гордость видим только в том, что происходит сегодня, и в том, чем мы являемся сейчас?» (с. 461). В этом он вполне созвучен и современным стратегиям политики памяти.

В ходе своих поездок Немцевич открывает объекты для будущей реставрации. Один из королевских замков в Петркове, отмечает Немцевич, можно было бы «обновить», не только для практического использования, но и как памятник (с. 471—472). Другой замок X века, один из старейших в Польше, который прусаки используют как источник камня для строительства дорог, можно было бы с небольшими расходами восстановить и использовать (с. 516). О сокровищах Ченстоховского монастыря Немцевич также говорит прежде всего как о собрании памятников, а не только как о богатствах, особенно отмечая историческую ценность королевских пожертвований (с. 482). Пястовское прошлое Силезии, подчеркивает Немцевич при посещении этого региона, не интересует немцев. Они не хотят реставрировать пястовские памятники и «рады были бы всех убедить, что Силезия была прусской от сотворения мира» (с. 490)⁷. В городке Боженчин путешественник осматривает руины местного замка, который испытал многие превратности истории и наконец был оставлен, став объектом разграбления местных жителей. «Это было брошенное без опеки мертвое тело, вороны и стервятники терзали его, как могли: это была судьба всей страны» (с. 14). Разрушает не только время, но и отсутствие заботы о памятнике (с. 294). К таким мыслям автор приходит на руинах замка времен князя Ольгерда в Кременце.

Виды руин сопровождают путника и дальше. Замковый костел находится в еще более плачевном состоянии и грозит развалиться, «внутри везде руины и запущенность». «Торчат эти грустные руины, потому что без руин у нас ничего не может быть» (с. 24), — пишет Немцевич, осматривая город Кельце. Город Олькуш, место добычи олова, также производит на путника грустное впечатление: город пережил пожар, и «сам пожар рисует полный и печальный его упадок. Треснутые и выщербленные стены и башни окружают его, запустевшая ратуша, лежащие или торчащие руины домов некогда богатых горожан» (с. 41). Тенчинский замок неподалеку от Кракова превратился уже в такие руины, что едва можно, как отмечает Немцевич, составить себе по ним представление о планировке этого грандиозного сооружения. Описание этого вида превращается в сентиментальную меланхоличную элегию о бренности всего земного:

...сегодня замок Тенчин, который столько веков служил приютом этому древнему роду, такому сильному, богатому и многолюдному, где звучала речь живой и дерзкой молодежи, лязгало острое оружие, где раздавались веселая болтовня и беседы; сегодня это строение заброшенное глухое и мертвое. Никто здесь не наслаждается обширным и прекраснейшим видом, этими теряющимися в тумане за горизонтом Татрами, которые непрерывной цепью окружали с той стороны границы поляков. Сегодня везде глухая тишина; лишь сидящий на валуне пастух задумчиво глядит на пасущиеся среди руин стада (с. 49).

7 Немцевич же, напротив, останавливается на исторических событиях, которые связывают историю Силезии с историей Польши (с. 497—498).

Посещая Олесский замок, недалеко от Львова, где в 1629 году родился будущий король Ян Собеский, спаситель Вены, Немцевич отмечает, что замок находится в таком состоянии, что в покои, где родился будущий король, едва можно пробраться обходными путями и ободрав колени, настолько все забито хламом и мусором (с. 452).

Такие чувства вызывает не только вид руин аристократических замков. При посещении Кракова Немцевич осматривает знаменитые торговые ряды Сукенницы, построенные при Казимире Великом в XIV столетии. Свое впечатление он определяет как «печальное удивление»: «...там, где на протяжении пяти веков перед этим гудел торговый шум, теперь молчание, сонливость, бедность и тишина» (с. 45). Радостным исключением на грустном фоне краковских воспоминаний становится дом Вержинка, памятник богатства и процветания города и его жителей во времена Казимира Великого. В этом доме в 1356 году власти города давали прием в честь короля Казимира, императора Священной Римской империи и других правителей Европы. Прием продемонстрировал международный статус Польского королевства и положения Кракова как европейской столицы.

В городе Замосць, основанном гетманом Яном Замоиским и являющимся жемчужиной польского Ренессанса, Немцевича поражает контраст величия стен с безлюдностью и глухим молчанием улиц города, некогда бывшего центром международной торговли (с. 165). В местечке Добжинец в бывших Королевских Прусах Немцевич опять видит, «как и в других местах... запущенность, упадок и тяжесть сегодняшних времен», — от замка мазовецких князей остались только руины, а на его месте построен дом немецкого чиновника (с. 96—97).

Особенно тягостным было посещение Мальборка. Мальборский замок, резиденция Великих магистров Ордена, стал центром Королевской Пруссии, вошедшей в состав Польского королевства после поражения Ордена в Тринадцатилетней войне и подписания Торуньского мира в 1466 году. По первому разделу Речи Посполитой 1772 года эти территории были аннексированы Пруссией. Путешественник в поисках следов былой польской славы решил посетить резиденцию Великих магистров, некогда ленников польского короля. «О, что за прискорбное удивление!», — восклицает Немцевич. В этих исторических помещениях хранилось зерно; портреты и прочие реликвии были вывезены в Берлин или попросту выброшены. «Боже! И такие вещи творятся при якобы просвещенном правительстве в девятнадцатом веке!» (с. 245), — снова восклицает автор. В прусском теперь Гданьске (Данциге) он также застаёт руины, сонную тишину и видит, что «все памятники того, что Гданьск когда-то был польским, сегодняшние хозяева либо выбросили, либо уничтожили» (с. 252). Во владениях Сапегов, во дворце в Ружанах в Великом княжестве Литовском, где когда-то в XVII веке гостили король Владислав IV и королева Мария Гонзаго, теперь склад зерна и фабрика прядения шерсти. А были времена, отмечает Немцевич, когда иностранные послы около Гродно ждали польских приставов и позволения короля Стефана Батория, чтобы въехать в город, — «вот как нас уважали тогда!» (с. 348, 351). Посещая Радом и осматривая костел XIII века, Немцевич с грустной иронией замечает, что теперь этот храм «превращен в то, во что в нашем благословенном краю превращается все, то есть в военный склад» (с. 419).

Все размышления над руинами укладываются в топос *sic transit gloria mundi*. Этот урок Немцевич обращает ко всем великим завоевателям и прави-

телям, надеющимся на бессмертную власть и славу. Осматривая собор Святого Вацлава на Вавеле, он сожалеет об утрате трофейных знамен, которые по традиции складывались там польскими войсками. Это сожаление, однако, перетекает у него в «грустный урок для завоевателей, которые надеются на бессмертие, но несколько веков способны разметать в прах их добычу, уничтожить память о них, и едва ли кто-то будет знать о том, что они были» (с. 49). «Время равно имеет власть уничтожать как мировые державы, так и маленькие местечки» (с. 303), — меланхолично замечает автор при посещении мест, где он когда-то гостил у князя Чарторийского. Пример памятников, которые могут сохраняться бесконечно долго, он видит в курганах. На эти мысли его наводит вид кургана легендарного основателя Кракова — князя Крака (с. 70).

Таким образом, мы отчетливо видим здесь отмеченный Б. Скаргой мотив утраты дома, боль, постоянно возвращающую к прошлому, и одновременно экзистенциальный страх перед исчезновением его следов, которые способны вернуть утраченное хотя бы в воображении, обосновать право народа на существование на этой земле, позволить не раствориться среди нового чуждого населения и нового ландшафта.

«Myśmy wszystko zapomnieli»⁸

Забвение великих событий прошлого, не сохраняющихся в памяти местных жителей, печалит Немцевича. Так, при посещении местности Красныстав (Хелмская земля) автор вспоминает важные исторические события, разыгравшиеся там в конце XVI века. Эти события были в значительной степени поворотными в истории страны. После смерти Стефана Батория столкнулись габсбургская и антигабсбургская партии в польской политике. Сторонник антигабсбургской ориентации гетман Ян Замойский в 1588 году разбил войска габсбургского претендента князя Максимилиана, взял его в плен и поместил в Красноставский замок. На польском троне утвердился Сигизмунд III Ваза. «Габсбургская альтернатива» политического развития Польского королевства не состоялась. Осматривая руины замка, путник решил обратиться к местной жительнице со словами о том, какие когда-то великие дела тут происходили. На это женщина ответила, что, да, правда, тут было очень весело, когда тут жила пани Шлубовна. Сказав то же самое местному старику, Немцевич получил ответ, что при пане Обозном танцы тут были очень веселые. В итоге Немцевич обращается к сидящему на руинах аисту со стихотворным вопрошанием, где говорит о том, что аист наверняка знает из своих семейных преданий о месте, в котором живет, больше, чем неразумные люди. При посещении руин Гостыньского замка, где содержались в плену князя Шуйские («русские цари») в период Смуты, Немцевич видит это место заброшенным, а сам замок отданным прусскими властями местному еврейскому населению для разбора и использования его камней как строительного материала (с. 229)⁹.

8 «А мы все позабывали» (Ст. Выспяньский, «Свадьба». Здесь и далее перевод с польского наш. — А. В.).

9 Встречался, правда, автор и с обратными случаями, когда память о важном событии польской истории в местном сообществе сохранялась. Так, например, в местечке Штум, как отмечает Немцевич, до сих пор хранят память победы гетмана Александра Конецпольского над шведами в войне времен Сигизмунда III Вазы (1658).

Силе забвения автор предлагает противостоять при помощи вполне современных технологий в области управления (бюрократия), технического воспроизведения (тиражирования изображений) и национализации религии (соединения церковного культа с национальным). Было бы полезно, отмечает Немцевич, если бы все чиновники собирали все интересное в местах своей службы (с. 515). Необходимо, отмечает он, распространять оставшиеся старинные надписи и рисунки в виде гравюр (с. 450). На эти мысли его навело посещение костела в Жулкеве, родового храма Жолкевских. Костел действительно уникальный, соединяющий функции родовой усыпальницы и мемориала воинской славы. В частности, в нем была представлена картина, изображающая победу польской армии под предводительством Великого коронного гетмана Станислава Жолкевского над московско-шведским войском при Клушине 24 июня 1610 года.

Чрезвычайно интересны также рассуждения Немцевича при посещении костела в деревне Винногура в Великопольском регионе. В нем он видит изображения польских святых, святого Казимира, помогающего с небес польским воинам, и святую Кунегунду, открывающую месторождения соли в Величке под Краковом. Это наводит Немцевича на мысль о том, что нужно соединять «национальные воспоминания» с верой, «напоминая оказанные нам благодеяния». Такое сочетание будет одновременно «возбуждать в сердцах верующих воспоминания славы родины» и подогревать религиозные чувства (с. 510). Отсюда совсем недалеко до дюркгеймовского анализа ритуалов коммеморации как практик обращения с пространством сакрального и концепции Б. Андерсона, предлагающего рассматривать национализм как вариант религиозного мировоззрения.

«Polski my narod, polski lud, Krolewski szczerp piastowy»¹⁰

За руинами и следами проступает постепенно нарратив польской памяти и идея польской истории. Так, например, рассказ о городе Варка, центре пивоварения, его прошлом процветании и нынешнем печальном положении, дает автору повод высказать свои взгляды на историю Польши. Он говорит о том, что история некогда процветавшей Варки показывает, «какими были польские города под властью наследственных королей и во что их превратили старосты, плохое управление и военные поражения» (с. 4). Система староств, когда королевские владения отдавались в пожизненное пользование представителям аристократии, установилась уже при Ягеллонах. Так что, очевидно, Немцевич видит золотой век в эпохе наследственной пястовской монархии¹¹. Вообще его историческая концепция соответствовала монархической идее историографа последнего польского короля Станислава Августа Адама Нарушевича (1733—1796) о благотворности сильной власти первых Пястов и губительности для Польши усиления шляхты в последующие периоды. Еще раз к этой теме он косвен-

10 «Мы польская нация, польский народ, наша королевская родословная — от Пяста» (М. Конопницкая, «Клятва»).

11 При осмотре Петркува, рассуждая о его обустройстве Казимиром Великим, Немцевич говорит: «...вот так наши заботливые Пясты делали все для своей Польши» (с. 470).

но возвращается, описывая аристократический конфликт периода бескоролья после смерти Стефана Батория, сопровождавшийся «наездом» с убийством, насилием и грабежом. По этому поводу автор восклицает: «И вот это на сейме 1793 года называли золотой вольностью!» (с. 77).

Тема исторической миссии Польши как передового рубежа обороны Европы от «варварства» появляется при посещении и осмотре монастыря цистерцианцев в Вонхоцке. Рассуждая о тех потерях и разрушениях, которые монастырь испытал в своей истории, автор замечает: «...такова всегда была судьба нашей страны; ставя нам на вид нашу бедность, иностранные писатели не принимают во внимание того, что, будучи передовым рубежом обороны (przedmurzem) Европы от варваров, мы приняли на себя те бедствия, которые могли бы коснуться их самих» (с. 9). В Сандомеже Немцевич вспоминает татарские набеги XIII столетия и замечает, что тогда «первый раз Польша испытала удар, который потом повторялся много раз» (с. 84).

Истоки Польши становятся предметом рефлексии при посещении самого старого в Польше бенедиктинского монастыря Святого Креста на Лысой горе. Немцевич отмечает, что и сама гора, гранитная скала, столь важная для ранней истории Польши, несет на себе черты первоначального ландшафта ранних геологических эпох. Путешественник пишет, что взбирался он на эту гору с особым чувством, понимая, что вступает на землю, по которой не раз ходили первые Пяты (если не Мешко, то уж, во всяком случае, Болеслав Храбрый). Также он говорит, что на этой горе были и языческие святилища, что «наши предки» еще долго сохраняли языческие верования и после крещения, сожалея о том, что находки языческой древности не были сохранены из-за «невежественного рвення» (с. 11). Автор приводит свидетельства «Хроники» Мацея Меховита конца XV века о том, что тому еще приходилось слышать языческие песни в народе, и сетует, что Меховит их не записал, не сохранил «самый старейший и самый дорогой памятник языка наших предков» (с. 12).

Автора интересуют и более ранние свидетельства истории польской земли. Во время путешествия по Вольни и Подолии к Одессе Немцевич посетил Воронич и описал найденные там кремневые молотки и топоры, похожие на индийские. Это должно было свидетельствовать о том, «как давно была заселена наша земля» (с. 290). Это снова отсылает нас к теме историчности польского народа, который «не возник вчера».

Конечно, самым лучшим местом для актуализации в памяти ключевых пунктов польской национальной памяти стало посещение Кракова и особенно Вавельского замка:

При виде Кракова тысячи сентиментальных чувств пробуждаются в сердце поляка. Именно в этом городе все наши великие воспоминания прошлого, великих триумфов, а также и горестных поражений... вид его старинных построек возвращает нашу память в прекрасные века, делая для нас тем более горестным день сегодняшний, а чтобы его подсластить, вызывая надежды на счастливое будущее (с. 44–45).

В историческом нарративе, возникающем в связи с посещением Вавеля и пропускающим (как отмечает сам автор) легендарные истоки, связанные с преданиями о Краке и драконе, выделяются следующие пункты: женитьба Казимира Великого (1310–1370) на дочери великого литовского князя Гедемина Алдоне; триумф Казимира Великого после присоединения Червонной Руси; история

брака Ядвиги, связанная с борьбой за ее руку; Казимир Ягеллончик (1427—1492), отмеченный прежде всего за свою многодетность; затем следует воспоминание о Сигизмунде Старом, приветствовавшим Великого коронного гетмана Яна Тарновского после победы над Молдавским господарем при Обертыне 22 августа 1531 года, в результате которой на Польским королевством закрепились территории между Прутом и Черемышем (Покутье); предающийся удовольствиям от занятий науками и искусствами последний Ягеллон Сигизмунд Август (1520—1572); оборона Кракова от шведов каштеляном Чарнецким в 1655 году, во времена Потопа; а также оборона Кракова барскими конфедератами в 1772 году. Из королевских захоронений особого внимания удостоиваются Владислав Локетек¹² и Казимир Великий — последние Пясты, при которых произошло восстановление Польского государства после раздробленности, его укрепление и модернизация. Затем отдельно отмечен Стефан Баторий, формально второй, а фактически первый (1576—1586) выборный король, проводивший успешные операции против армии Ивана Грозного во время Ливонской войны. Немцевич относился к его правлению с особым вниманием, считая Батория едва ли не образцовым королем, соединившим качества сильного государя и военного вождя.

Другим центром государствообразования древней Польши был регион озера Гошла, Крушвица, Гнезно. Немцевич посетил эти места в ходе своего второго путешествия. Автор при этом представлял себе легендарного Пяста, везущего по озеру Гошла сладкий мед, «удивленного множеством стоящих на берегу людей, еще более удивленного затем тем, что этот народ провозгласил его своим королем, покрыл крестьянина пурпуром и проводил в княжеские хоромы. Достойное начало для сельского народа, который честность, здравый смысл и труд предпочел блеску родовитости» (с. 119). В этих местах автор мечтает увидеть потомков слуг Пяста, живущих до сих пор в окрестностях озера Гошла и Крушвицы, но вместо них встречает немецких колонистов, выращивающих картошку и не говорящих по-польски. Это снова наводит путешественника на мысли об изменчивости исторических судеб. Особое место, конечно, занимает при посещении этого региона осмотр исторического центра ранней польской государственности — Гнезно: «Вся ценность этого города в воспоминаниях» (с. 122), — говорит автор. Немцевич также отмечает глубокие чувства, которые охватывают его, как и каждого поляка, приближающегося «к этой первой столице наших королей», осматривающего гробницу Святого Войчеха в соборе Гнезно, являющемся центром первой польской метрополии. Свой набор «образов-воспоминаний» актуализирует посещение автором Литвы, то есть земель Великого княжества Литовского, края, родины Ягеллонов, Ходкевича, Радзивиллов, Острожских, Сапегов, Костюшки (с. 336).

Таким образом, в нашем травелоге и создается «пространство-репрезентация», совокупность «мест» мемориального ландшафта, с которыми связаны образы национальной памяти, несущие в себе определенное идейное содержание (древние истоки страны, ее миссия в Европе, представления о власти и т.д.).

12 В ходе своих поездок по Княжеской и Королевской Пруссии Немцевич посещает Пловцы (с. 232), «поле нашей славы», место, где 27 сентября 1331 года войска Польского королевства под командованием Владислава Локетка и с участием наследника, будущего Казимира Великого, дали успешное сражение войскам Ордена. Это сражение вошло в польский национальный нарратив как прообраз Грюнвальда.

«Nie rzucim ziemi skąd nasz ród! Nie damy pogrześć mowy»¹³

Особая тема «Путешествий» — это территориально-языковые аспекты идентичности. Автор травелога часто останавливается на темах, связанных с границами Речи Посполитой, актуальными политическими границами и с границами распространения польского языка. Разными способами Немцевич периодически показывает свое неприятие новых границ, разделивших Речь Посполитую¹⁴. В начале описания путешествия по Червоной Руси (с характерным добавлением: «теперь называемой Галицией») путник иронически описывает то, как он прошел все «обряды таможенных рогаток», совершаемые «таможенными священнослужителями обоих народов» (с. 416)¹⁵.

Темы языка и национальности у автора взаимосвязаны. Единственной чертой, которая отличает один народ от другого, Немцевич считает язык. Собственно, он и проводит границы государств и служит их обоснованием. Так, посещая Силезию в 1821 году, он отмечает, что по обеим сторонам границы «тот же самый язык, одежда, обычаи, все свидетельствует о том, что Польша и Силезия — один народ и одна страна» (с. 485). Несмотря на все усилия немцев, отмечает автор травелога, польский язык в Силезии (по правому берегу Одры) сохраняется, как при Пястах, особенно в простом народе. Левобережье же Одры с Вроцлавом давно германизировано (с. 499). Язык сохраняется только благодаря женщинам; и так, отмечает автор, всегда бывает с народами, утратившими государственность (с. 486).

Автор ищет исторические корни ареала распространения польского языка. Так, в Лосицах, около Тересполья, говорит Немцевич, кончается территория, где перемешаны польский и русский языки и начинается зона «чистого польского языка». Немцевич объясняет это тем, что до этих территорий Болеслав Храбрый и Витольд селили пленных с «Руси». Немцевич посещает реку Осса около Торуня. Речку, как он говорит, «малую, но важную в нашей памяти» (с. 243). Место это связано с памятью Болеслава Храброго (965/967—1025) и его походов. В хрониках осталось предание об установлении Болеславом пограничных железных столбов, которые должны были навсегда обозначить границы Польского королевства. В «Хронике» Галла Анонима (XII век) сказано, что после похода на «неукротимых саксов» Болеслав «определил границу Польши по реке Сале, в центре их страны, железным столбом»¹⁶. В «Анналах» Яна Длугоша (XV век) говорится об аналогичных действиях короля на востоке и западе (Болеслав сравнивается здесь с Геркулесом): «Затем Болеслав... три колонны из чистого железа поместил на вечные времена в реку Днепр, в том месте, где река Сула сливается с Днестром, которые, как уверяют, сохранились по сей день, потом он поместил еще три на реке

---

13 «Не покинем нашу землю! Не дадим похоронить наш язык» (М. Конопницкая, «Клятва»).

14 Тема границ в травелоге Ю.У. Немцевича достаточно подробно рассмотрена в статье польского исследователя [Nalera 2019].

15 Очевидная ирония над историческим названием страны — Речь Посполитая обоих народов Польши и Литвы.

16 «...in flumine Sale, in medio terre eorum, meta ferrae finis Poloniae terminavit» (cit. ex.: [Gawroński 1916: 5–6]).

Солаве, на западе»¹⁷; Ян Длугош сообщает также о походе на Пруссию, после которого

Болеслав, король своего Польского королевства, [установил] на реке Осса, которая разделяет Польшу и Пруссию, в вечное свидетельство колонну, а именно из железа, посреди реки, в четырех милях от города Рогозно, между Ласиным и Рогозно, отчего и деревня у того знака расположенная называется Слуп, то есть Столб. Ибо горячо желая распространения пределов своего Польского королевства, а также того, чтобы, будучи раз расширены, они никогда уже не могли быть уничтожены и были бы устойчивы, Болеслав установил такие железные столбы и на Востоке, и на Западе, и на Севере¹⁸ [Gawroński 1916: 5–6].

Немцевич специально отмечает, что видел все три реки, где Болеслав вбил свои столбы, и восклицает: «Какая несчастная перемена наших границ! Те, что тогда были ничем, стали могучими, а мы — ничем» (Ibid.).

В местечке Фрауенбург Немцевич описывает встречу с пожилым господином, одетым по-польски и говорящим на польском языке, замечая, что это последнее свидетельство «нашего правления в этих местах», что его дети уже с трудом говорят по-польски. В этом месте, как отмечает автор, заканчивается польская Королевская (Западная) Пруссия и начинается Княжеская (Восточная) Пруссия (некогда польский лен) (с. 265). В столице Восточной Пруссии — Крулевце (Кенигсберге), отмечает автор, почти не слышно польского языка, в отличие от того, что тут было прежде, когда и церковные службы шли на двух языках, немецком и польском. Путешествуя по Восточной Пруссии, Немцевич чутко вслушивается в язык местных жителей, замечая, например, что от Растенбурга и до границы «народ начинает говорить по-польски уже очень хорошо, но с мазовецким акцентом» (с. 282). Германизация очень беспокоит Немцевича, причем он отмечает с сожалением, что само польское население не оказывает ей сопротивления. Он пишет:

Когда-то все названия местечек, деревень, озер были польскими, немцы все их переименовали. Итак, начиная от Польской Пруссии, Быдгощ зовется Бромбергом... Мальборк — Мариенбургом... Недостаточно им было того, что, едва забрав стародавнюю Великопольскую землю, прусаки немедленно сменили древние славянские названия городов и деревень на немецкие; но они даже и родовые прозвания шляхты стали менять на немецкие... Что за неслыханное ожесточение к польскому имени и роду! Мы должны невзирая ни на что противостоять этому. Но, к сожалению, мы сами подчиняемся этому уничтожению нашей национальности (с. 283).

Во время путешествия по Волыни и Подолии к Черному морю Немцевич посещает местность Балка и говорит о том, что когда-то здесь была граница Поль-

17 «Boleslavus deinde... tres in flumine Dnyeper in eo loco, ubi fluvius Szula miscet se fluvio Dnyeper, ex solido ferro columnas, que et in eam diem permanere asseruntur pro g(r)adius perpetuis locat, qui in flumine Szovala in occidente tres postea locavit» (cit. ex.: [Gawroński 1916: 5–6]).

18 «...Boleslaus Rex Regni sui Poloniae in fluvio Ossa, quod Poloniam Prussiamque disternat, perpetuos g(r)ades, ferream videlicet columnam in flumines medio, quartali milliaris ab oppido Rogoszno, inter Lyaszin et Rogoszno unde et villa ad gades huiusmodi sita. Słup a columna vocabatur. Propagandi siquidem Boleslaus fines Regni sui Poloniae et ne umquam propagate econfundi possent, incensus, duiternitatis quoque cupidine ardens, status ferreas et in Oriente et in Occidente et in Septentrione locavit» (cit. ex.: [Gawroński 1916: 5–6]).

ского королевства с Крымским ханством. Это — *ultima Thule*, дальше — татарское Дикое поле. Здесь, как говорит автор, «мало следов Польши»; практически все население, кроме евреев, — русские: «начинает наступать ориентальность» (с. 308). Немцевич как бы тщательно вглядывается в эти места, высматривая не только стертые ныне границы Польского государства, но и пределы польского мира, мира польского языка и культуры на границе с бескрайними степями «Востока». Умань — последний польский город перед степями, а в местечке, известном как Златополь, в версте от Новомиргорода, «начинается древняя Польша» (с. 331—332)¹⁹. Тульчин, Умань не только географические пределы Речи Посполитой, но и в некотором смысле они оказались ее историческим рубежом. Это владения магната Станислава Щенсного Потоцкого, активного деятеля «русской партии» и Тарговицкой конфедерации. Вид его владений и оставшихся в них памятников, руин и обелисков также дает Немцевичу повод поразмышлять над судьбой страны и магната, ставшего символом предательства в национальной памяти.

В 1820 году в местечке Завихост в Галиции Немцевич отмечает: «...здесь кончается нынешняя маленькая Польша» (с. 423), — дальше начиналась Австрия. Речь, очевидно, шла о границах Царства Польского. О Карпатах автор замечает, что они являются «естественными границами Польского королевства» (с. 429), но и они не смогли защитить его от насильственных несправедливых разделов. Увидев герб с прусским орлом, внутри которого находится польский белый, Немцевич замечает, что он находится на границе Герцогства Познаньского Прусского королевства. В Пыздре же он отмечает границу Герцогства Познаньского и современного Царства Польского.

«Литовские леса» также не остаются за пределами географического воображения автора:

Пусть другие отправляются в благоухающую, украшенную прекрасными произведениями искусства Авзонию, а иные осматривают прекрасный Париж и богатый Лондон; я же углублюсь в литовские боры, не такие, быть может, приятные и веселые, но живо меня трогające, так как они являются частью моей родины, столь долго славной и столь долго несчастной (с. 336).

Описание Литвы у Нарушевича — это прежде всего описание природы, лесов, полей, рек и озер. Это пространство «начали приводить в порядок» только Сигизмунд Старый и Сигизмунд Август, то есть последние Ягеллоны в XVI веке. С этого времени Литва процветала и быстро просвещалась вплоть до момента «нашей политической смерти» (с. 344), разделяя с Польшей одну судьбу.

В целом идея обоснования национальной идентичности через язык и культуру была для польского контекста тогда относительно новой и отражала кризис, вызванный утратой государственности, прежней, политической шляхетской модели польского народа как сообщества граждан Республики (Речи Посполитой). Таким образом, Ю.У. Немцевич создает как бы параллельный связанному с «политической» памятью шляхты пространству «руин» мемориальный ландшафт, для которого основным местом памяти является польский язык, на котором говорит народ и который (еще) звучит или звучал

19 В великопольском Косцьяне начинается, по Немцевичу, «настоящая Польша», потому что там почти все жители — поляки (с. 503).

раньше, но должен звучать на территориях, именно поэтому являющимися польскими²⁰.

* * *

«Автор, описывая прошлое, всегда думал о будущем» [Czartoryski 1860: 192], — писал о Немцевиче его первый биограф Ежи Чарторыйский. С этим, как представляется, можно согласиться. Собственно, травелог Немцевича заложил основы корреляции польского пространства и польской памяти. Переживание кризиса идентичности, возникновение чувства утраты, изгнания и отчужденности от собственного дома вызвали потребность в создании канона «мест памяти», в пространственном закреплении нарратива национальной идентичности. Автор травелога начал длительный процесс создания польского историко-территориального национального воображения, которое в итоге сыграло свою роль в период восстановления Польского государства в начале XX века. Продолжает оно играть эту роль и сегодня.

Библиография / References

- [Chachaj 2017] — *Chachaj M.* Pamięć i zapomnienie — uwagi na marginesie Podróży historycznych po ziemiach polskich między rokiem 1811 a 1828 odbytych Juliana Ursyna Niemcewicza // *Tożsamość. Kultura. Nowoczesność. T. II. Czas. Pamięć* / Red. B. Morzyńska-Wrzosek, M. Kurkiewicz, I. Szczukowski. Bydgoszcz: UKW, 2017. S. 51—62.
- [Czartoryski 1860] — *Czartoryski A.J.* Żywot Juliana Ursyna Niemcewicza. Warszawa: ASPRA — JR, 1860.
- [Gawroński 1916] — *Gawroński F.R.* Słupy Bolesława Wielkiego w Kijowie. Legenda, historia, hipoteza. Kraków: Drukarni «Czasu», 1916.
- [Halbwachs 1970] — *Halbwachs M.* La Topographie légendaire des Évangiles en Terre sainte. Étude de mémoire collective. Paris: Presses Universitaires de France, 1970.
- [Historia geografii polskiej 2008] — *Historia geografii polskiej* / Red. naukowa: A. Jackowski, S. Liszewski, A. Richling. Warszawa: PWN, 2008.
- [Nalepa 2019] — *Nalepa M.* Granice państwowe, narodowe i kulturowe w prozie wspomnieniowej Juliana Ursyna Niemcewicza // *Wrocławskie Studia Wschodnie*. 2019. № 23. S. 9—32.
- [Namer 2000] — *Namer G.* Halbwachs et la mémoire sociale. Paris: L'Harmattan, 2000.
- [Niemcewicz 1858] — *Niemcewicz J.U.* Podróże historyczne po ziemiach polskich między rokiem 1811 a 1828 odbyte. Paryż; Petersburg: Księgarni A. Francka; Księgarni B.M. Wolffa, 1858.
- [Skarga 2004] — *Skarga B.* Ślad i obecność. Warszawa: PWN, 2004.

---

20 Интересно, что границы «польского пространства» могут быть очерчены у него и звуковыми «местами памяти». В Литве автор с радостью слышит «польскую трубу» и отмечает, что «на Волини и в иных захваченных у нас провинциях ее сменили грустные колокола» (с. 347).